

К. И. Зубков

ГЕОИСТОРИЧЕСКИЙ БАЗИС РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:
ПРОСТРАНСТВО И ДИНАМИКА

doi: 10.30759/1728-9718-2025-4(89)-140-148

УДК 930.85:94(47)

ББК 63.3(2)+63.1(2)

В статье на основе анализа и верификации геоисторических обобщений русской историографии конца XIX — начала XX в. разбирается и оценивается методологический потенциал категорий пространства и движения как ключевых в объяснении влияния географии и природных условий Русской равнины на начальные фазы русского исторического процесса. Выясняется, что условия обширного и однородного пространства при малой плотности населения противоречиво влияли на потенциал его объединения в рамках единой государственной формы, служа, с одной стороны, предпосылкой интеграции, с другой — являясь фактором фрагментации. Слабая естественная диверсификация хозяйства и разреженность социального пространства порождали — как способ адаптации к ним — выработку особых форм организации общества, власти, экономики и культуры. Важнейшим фактором, способствовавшим преодолению центробежных тенденций и усилению связности исторической русской территории в крупных масштабах, явилась повышенная мобильность основного массива населения, центров хозяйственной, политической и культурной жизни. Колонизационный сдвиг на северо-восток в XI–XIV вв. имел важные исторические последствия. Его динамика, усиливая интенсивность межэтнических взаимодействий и общий размах миграций, умножала дифференциацию хозяйственной жизни и социального агрегата общества, тем самым позволяя малыми силами непрерывно поддерживать эффективный контроль над несоразмерно большими территориями. Эта ранняя колонизация существенно повлияла на формирование главных институциональных особенностей российской цивилизации.

Ключевые слова: *Россия, русская историография, природно-географический базис, геоистория, пространство, движение, колонизация, цивилизация*

Замечательное свойство историографии заключается в том, что, расширяя круг исторических знаний, она в то же время живо откликается на запросы современности и, вооруженная новыми смыслами, возвращается к уже пройденным этапам познания, внося в конфигурации фактов более глубокое понимание их закономерной связи. В отечественной историографии этапом, на котором этот круговорот фактов и идей преобразовался в особенно значимые обобщающие схемы русской истории, явился период последней трети XIX — начала XX в., который, с этой точки зрения, вполне может быть назван ее «золотой порой». В это время показателем роста исторического самосознания русского общества стала разработка теорий, обосновывающих историческую роль России как самобытной цивилизации: славянского культурно-исторического типа Н. Я. Данилевского,¹

«византизма» К. Н. Леонтьева,² славяно-греческого «Среднего мира» В. И. Ламанского,³ — из концептуальных элементов и интенций которых сложилось позднее грандиозное историческое учение «евразийства» (Г. В. Вернадский, П. Н. Савицкий, Н. Н. Трубецкой и др.).⁴ Под этим же знаком поиска истоков особого исторического пути России собственно историография в лице ее выдающихся представителей (С. М. Соловьев,⁵ В. О. Ключевский,⁶ М. К. Любавский⁷ и др.) достигла высшего историко-социологического синтеза, сформулировав ряд положений, раскрывающих закономерности глубокого и разностороннего воздействия природно-географической среды на ход и характер русской истории. Возросшее внимание к роли пространственно-географического фактора в русском историческом процессе ярко прояви-

¹ См.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германороманскому. СПб., 1995.

² См.: Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. М., 2007. С. 144–308.

³ См.: Ламанский В. И. Геополитика панславизма. М., 2010. С. 183–323.

⁴ См.: Исход к Востоку. М., 1997; Вернадский Г. В. Начертание русской истории. СПб., 2000.

⁵ См.: Соловьев С. М. Сочинения. М., 1988. Кн. 1: История России с древнейших времен. Т. 1–2. С. 56–73.

⁶ См.: Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М., 1987. Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1. С. 63–89.

⁷ См.: Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб., 2000.

лось в изучении механизмов, движущих сил и последствий территориального расширения России, в частности, в учении о колонизации как определяющей для русской истории форме социальной динамики (В. О. Ключевский, М. К. Любавский и др.).⁸

Этот теоретический взлет, состоявшийся благодаря географическому повороту в историографии, был тесно связан со сдвигом в области методологической рефлексии — появлением более сложной и пластичной версии географического детерминизма, испытавшей влияние системно-структурных методов социологии и социальной антропологии. К сожалению, в советское время эта линия в историографии не получила должного развития: несмотря на приращение эмпирической базы исторической географии, главный фокус исторического анализа сместился к экономическому материализму и классовому подходу, что существенно сузило перспективу изучения истории общества как целостного организма в его взаимодействии с окружающей средой. С этой точки зрения, выводы классиков дореволюционной историографии о природно-географических основаниях своеобразия русского исторического процесса до сих пор могут считаться в известном смысле вершиной концептуального развития в этой области исследований.

Цель статьи заключается в том, чтобы осуществить критическую верификацию основных положений русской историографии конца XIX — начала XX в., касающихся закономерностей взаимодействия русской истории с ее природно-географическим базисом, с позиций современного состояния исторического знания и наметить возможные направления их методологического углубления и развития.

I

Фундаментальный по значению, но внутренне противоречивый тезис, в котором нашла выражение идея природной детерминированности русской истории, — это констатация обширности и однообразия Русской равнины, на которой разворачивался по крайней мере начальный ее этап. Для С. М. Соловьева этот «вмещающий ландшафт» уже как бы намечал масштаб и траекторию всего дальнейшего развития Российского государства, придавая ему почти предустановленный характер: «однооб-

разие природных форм» великой равнины должно было, по мысли историка, вести к единообразию занятий населения, к одинаковости нравов, обычаев, верований, к отсутствию прочных областных привязанностей и резких переходов между самими областями — и, как следствие, к предвидению, что «равнина, как бы ни была обширна, как бы ни было вначале разноплеменно ее население, рано или поздно станет областью одного государства».⁹ Другие историки рисовали более сложную картину, внося в нее целый ряд дифференцирующих признаков (водораздельные возвышенности, конфигурация речной сети, дихотомия леса и степи, почвенно-климатические и т. п.),¹⁰ что не отменяло, однако, основного детерминирующего качества среды — однообразия и открытости равнинного пространства. Е. Ф. Шмурло полагал, что как бы далеко ни отстояли друг от друга крайние пределы Европейской России, составляющая ее «одна сплошная равнина» самим фактом своего существования содействовала «образованию единого государства», гигантские размеры которого обозначились едва ли не со времен Рюрика.¹¹ Органичность связи русской истории с великими равнинными пространствами проецировалась и на более поздние этапы территориального расширения России — например, когда С. М. Соловьев описывает систему природных факторов, составлявших пространство Сибири «смотреть исключительно на запад» и составить в конце концов «нераздельную часть Европейской России».¹² В. П. Семенов-Тянь-Шанский — выдающийся географ, энтузиаст идеи природной обусловленности исторических явлений, полагал, что территориальный базис, на котором исторически выросла Россия, слагают три «великие равнины» Северной Евразии: западная, волнистая равнина Европейской России, центральная, плоская равнина Западной Сибири и восточная, снова волнистая равнина — Средне-Сибирское плоскогорье.¹³

Характер «вмещающего ландшафта» России, вероятно, предварительно может считаться одним из ключевых факторов ее становления, однако при более глубоком взгляде не столь

⁹ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 56.

¹⁰ См.: Ключевский В. О. Указ. соч. С. 78–86; Шмурло Е. Ф. История России 862–1917. М., 2001. С. 25–32.

¹¹ Шмурло Е. Ф. Указ. соч. С. 23.

¹² Соловьев С. М. Указ. соч. С. 70.

¹³ См.: Семенов-Тянь-Шанский В. П. Типы местностей Европейской России и Кавказа: очерк по физической географии в связи с антропогеографией. Пг., 1915. С. 3, 4.

⁸ См.: Ключевский В. О. Указ. соч. С. 49–53; Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.

однозначным, чтобы придать русской истории жесткое направление. Однообразие равнинного ландшафта с вытекающим из него однообразием занятий, культурных и бытовых привычек способно порождать не только сплочение и общность судьбы его насельников, но и слабость общественного разделения труда и, как следствие, отсутствие взаимного притяжения хозяйственных разностей. При крайне низкой плотности населения Русской равнины (около 1500 г. примерно 2–3 чел. на 1 кв. км против 22–30 чел. на территории Западной Европы) влияние природных факторов разъединения и изоляции должно было проявиться здесь с особой силой — прежде всего в замедленности и ограниченности товарообмена между местностями, в консервации натурального уклада хозяйства разобщенных племенных и общинных «миров». ¹⁴ Отмечая такого рода экономические затруднения, усиленные к тому же непрерывным колонизационным рассредоточением населения, М. К. Любавский констатировал, что исторические условия, заставляя русских людей «жить и действовать розно или в мелких общественных группах», негативно влияли и на другие стороны их социальной жизни, порождая ограниченность кругозора и скудость умственной жизни, трудности в насаждении гражданского порядка, недостаточное развитие общественной самодеятельности. ¹⁵ Заметим, однако, что, относя эти неблагоприятные стороны исторической жизни России преимущественно к производным от малочисленности ее населения и крайней разреженности социального пространства, историк невольно упрощал проблему, оставляя в тени более сложную морфологию «вмещающего ландшафта» русской истории.

Однообразие ландшафта и однородность занятий населяющих его жителей, о которых писал С. М. Соловьев, сами по себе не являются препятствием для развития производящего хозяйства — хотя бы в его примитивной, натуральной форме, но сильнейшим образом сковывают его прогресс в силу недостатка стимулов для развития специализации и товарного обмена. При этом на примитивных стадиях развития экономики, торговля если и не предшествует производству, то часто превосходит его по значению, поскольку для ее развития достаточно обмена «самых первобытных продуктов, так сказать, выхваченных непосредственно

из природы», ¹⁶ а следовательно, естественного разнообразия доставляемых природой богатств и простейших форм их присвоения. Примечательно, что стимулирующему влиянию такой торговли В. О. Ключевский приписывал — под титулом «Руси Днепровской, городской, торговой» — оживление хозяйственной жизни восточных славян в конце I тыс. н. э., считая лесные промыслы и их продукцию (мед, воск, меха и т. п.) самым ранним типом «русского народного хозяйства», в то время как хлебопашество, по его мнению, удовлетворяло поначалу главным образом собственные нужды населения, не выказывая еще признаков превращения в значимую товарную отрасль. ¹⁷

Однако важно подчеркнуть, что этот простейший товарообмен развивался не в силу наличествующего на местах разнообразия произведений природы, а благодаря удобствам вывода их на Днепр — древний маршрут внешней торговли. По существу, возникновение Киевской Руси как политического объединения — как и динамика ее расцвета и упадка — базировалось на такой экономической основе, как возможность стягивания ресурсов товарного обмена со всей обширной области расселения восточных славян к днепровской речной магистрали, с вполне понятным сгущением населения и экономической активности в ее западной, прилегающей к Днепру части. ¹⁸

Как раз такого необходимого разнообразия природно-хозяйственных разностей, которое воспроизводили удобства дистанционной торговли, локализуемого на небольших — соразмерных отношениям соседского обмена — территориях, по-видимому, и недоставало изначально на большей части Русской равнины для преодоления разобщенности и инерции натурального хозяйствования. Вместе с тем этот фактор в историческом плане нельзя считать чем-то фатально-непреодолимым. В. П. Семенов-Тянь-Шанский, резюмируя многочисленные историко-географические наблюдения, подметил, сформулировав в виде своеобразного географического закона, такое свойство больших равнин, как наличие «малого разнообразия на небольших пространствах при большом разнообразии на обширных». ¹⁹ Это значит, что в условиях России более или менее отчетливое возрастание сил взаимного хозяйственного

¹⁴ Дулов А. В. Географическая среда и история России. Конец XV — середина XIX в. М., 1983. С. 244.

¹⁵ Любавский М. К. Историческая география... С. 24–26.

¹⁶ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Район и страна. М.; Л., 1928. С. 143.

¹⁷ См.: Ключевский В. О. Указ. соч. С. 46, 51, 138.

¹⁸ См.: Там же. С. 137, 138.

¹⁹ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Типы местностей... С. 1.

притяжения отдельных местностей, рост значения товарных разностей и хозяйственной специализации должны были происходить главным образом с увеличением территориального масштаба и, следовательно, с нарастанием природно-географических различий. Такой взгляд на диалектику однородности и дифференциации территориального базиса русской истории в значительной степени дает возможность примирения историографических разночтений, которые были присущи русским историкам в трактовке этого вопроса.

Подтверждением этой закономерности являются особенности складывания пространственных форм торгового взаимодействия в русских землях. Изучая процесс зарождения денежного хозяйства в Московской Руси XVI — первой половины XVII в., Н. А. Рожков в свое время обратил внимание на дистанционный — преимущественно межобластной — характер формирующихся торговых связей. Историк отмечал, что в России в указанное время, несмотря на наличие разных степеней и масштабов развития рынков, а также ареалов преобладания натурального хозяйства, почти не был представлен западноевропейский тип «городского хозяйства, имеющего в виду узкий местный рынок, с ограниченным кругом производителей и потребителей, ютящихся в городе и его окрестностях на 10–15 верст во все стороны». Если сами по себе большие расстояния, однородность хозяйственных занятий и малолюдность многих областей служили препятствием для развития торговли, то другая совокупность природно-географических условий: равнинный рельеф страны, обилие рек, продолжительный снежный покров зимой и др. — напротив, обеспечивала сравнительно удобные пути сообщения для переброски товаров. Это изначально придавало русской торговле не узкоместный, «городской», но межобластной, «народный» характер.²⁰ Близкую картину условий развития торговли в России на ранних ее стадиях рисует и П. Н. Милюков. С одной стороны, он отмечал известную подавленность и неустойчивость местной торговли, индикатором чего являлся большой разброс хлебных цен даже в соседних местностях, с другой — заметное развитие дистанционной торговли, хотя и отмеченной рядом затруднений (сезонность, замедленность товарооборота). Показателями последней, по мнению историка, служили такие типичные

²⁰ См.: Рожков Н. А. Происхождение самодержавия в России. М., 2012. С. 45, 46.

явления, как караванная переброска товаров, устройство периодических ярмарочных торгов, которые абсорбировали в себя товарные потоки из самых отдаленных областей.²¹ Вместе с тем с самых ранних времен (вероятно, уже с XI в.) — особенно там, где основой хозяйственной специализации отчетливо выступали природные различия, — складывались и более устойчивые схемы торговли между русскими землями. С. Ф. Платонов приводит пример Великого Новгорода, который регулярно получал хлеб и другое продовольствие из «низовых» русских земель в обмен на некоторые продукты северных промыслов (меха, соль, лен), дополняя этот товарный ассортимент «заморскими» товарами, шедшими из Европы. Последние, в свою очередь, выменивались опять же на ценные ресурсы, которые новгородцы извлекали из своей северо-восточной периферии (меха, ворвань, моржовая кость и т. п.).²²

Таким образом, с точки зрения влияния на исторический процесс природно-географические условия России в конечном итоге принимали форму действия сил сближения и отталкивания, объединения и разобщения. Исходя из неустойчивого баланса между этими природно-обусловленными силами, имеет смысл обратить внимание на те факторы и исторические условия, которые должны были в существенной степени способствовать сплочению и «собирающему» русскому пространству.

Среди таких факторов, несомненно, следует упомянуть довольно густую речную сеть, которой в историко-географическом введении к своей «Истории России...» С. М. Соловьев уделил особое внимание. Именно с опорой на конфигурацию речной сети историк попытался внести в краткий обзор территориального расширения России определенное структурирующее начало, изобразив ее историческое ядро как своего рода «страну источников», из которой, подобно лучам звезды, расходятся речные пути — на восток и юго-восток (Ока, Волга), юг (Дон), юго-запад (Десна, Днепр), северо-запад и север (Волхов, Западная Двина).²³ Чередуемое по этапам и азимутам, но неизменное движение — завоевательно-политическое и миграционное — от истоков до устья, по Соловьеву, предстает как приведение указаний природы в соответствие с последующим ходом

²¹ См.: Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1896. Ч. 1. С. 94–96.

²² См.: Платонов С. Ф. Прошлое русского Севера: очерки по истории колонизации Поморья. Пг., 1923. С. 9.

²³ См.: Соловьев С. М. Указ. соч. С. 62–73.

истории. Однако уже В. О. Ключевский, соглашаясь с тем, что направления речных стоков во многом начертали «программу» расширения Русского государства, считал недостаточным односторонне выделять только это «центробежное действие речной сети» и указывал также на взаимную близость крупных речных бассейнов как на фактор, стимулировавший широкое и разностороннее народное общение.²⁴ К этому следует добавить, возможно, менее величественную и даже прозаическую, но совершенно исключительную роль речных систем — точнее, их «рабочую» функцию в качестве удобного и дешевого средства сообщения, связывающего торговыми отношениями более или менее удаленные друг от друга местности. Внешнему наблюдателю порой казалось, что среди малонаселенных пространств России, при их бедности сухопутными дорогами, вся торговая активность страны была привязана к ее речным путям. Отмечая, что в Петербург — главный порт страны — по рекам стягиваются все товары, идущие из Сибири и Южных провинций, англичанин У. Кокс, посетивший Россию при Екатерине II, резюмировал: «Должно по справедливости сказать, что может быть во всем свете нет государства, в котором внутреннее судоходство было бы так распространено, как в России».²⁵ Можно предполагать, что для более ранних эпох такое состояние было еще более характерно.

Заслуживает рассмотрения и вопрос о том, как вырастающий из природно-географического разнообразия формат межобластной торговли соотносился с процессом централизации государства и формированием раннего меркантилизма. Очевидно, что прямой интерес государства в умножении торговых доходов (казенные монополии, пошлины и т. п.) при разобщенности и слабом тоне местной торговли превращал его в главного агента, предвосхищавшего своим экспансионизмом складывание укрупненных систем внутренней межобластной, а также внешней торговли. Единство политической «оболочки» в этом случае априорно, опережая обычный порядок вещей, предшествовало естественному росту хозяйственной сложности. Это частный случай состояния общества, сочетающего сильную центральную власть и еще достаточно сегмен-

тированный, разобщенный социум, о котором писал М. К. Любавский: «Центральная власть на Руси потому и достигла непомерного развития, что ей пришлось иметь дело с разреженной и потому податливой народной массой и почти всецело взять на себя заботы и попечения об общем благе, об общих интересах».²⁶

II

Тезис русской историографии об обширности и относительном однообразии Русской равнины как главной предпосылке обретения этим пространством единой государственно-политической формы становится более понятным и убедительным, если мы примем во внимание не статику географических свойств ландшафта, но те их сочетания, которые определяли закономерности движения человеческих масс — прежде всего в его зримой, кинетической форме. Изначально Русская равнина — особенно в северной ее половине — предстает вмещением большого сонма соседствующих народов «Афетовой части», которые, как уточняет летопись, «седают» там,²⁷ то есть, как можно предположить, занимают свои природно-экологические «ниши» и самим фактом своего упоминания удостоверяют свою этническую отличность друг от друга. С другой же стороны, большая открытая равнина являлась ареной не только переселений самих славян (на северо-восток от Дуная и Карпат), но и крупных миграций кочевых народов, которые сменяющими друг друга волнами превратили ее южную, степную часть в свою «столбовую дорогу» на пути движения из Азии в Европу.²⁸ Отталкиваясь от относящихся к этой теме наблюдений и выводов русской историографии, «евразийская» историософия обширность и открытость Русской равнины, где Европа столь контрастно встречалась с Азией, уже считала достаточным основанием для того, чтобы рассматривать это «месторазвитие» как некую «связную площадь», природное единство которой должно было, поверх всех этнических и расовых различий, породить принципиально единый тип культуры — сначала в виде отдельных конвергентных сходств, а затем более глубокого межэтнического синтеза и в конце концов «тенденции к культурной и политической унификации».²⁹

²⁴ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 81, 82, 86.

²⁵ Путевые записки от Москвы до С.-Петербурга одного англичанина в царствование Императрицы Екатерины II, заключающие в себе весьма любопытные исторические сведения, относящиеся к России в XVIII столетии. М., 1837. С. 11, 17.

²⁶ Любавский М. К. Историческая география... С. 26.

²⁷ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1846. Т. 1: I. П. Лаврентьевская и Троицкая летопись. С. 2.

²⁸ См.: Ключевский В. О. Указ. соч. С. 65.

²⁹ Савицкий П. Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 124, 288, 289.

Эту идею априорного «евразийского» тождества, наделяющую природно-географическую среду ролью активной культуротворящей силы, следует рассматривать как в принципе верную, но преувеличенную. В ней недостает динамического момента, который бы раскрывал конкретный механизм влияния природного начала на процесс межэтнического и межкультурного сближения. Последний — даже при сходстве природных условий — может занимать целые столетия медленной культурной диффузии, не обещающей к тому же сколько-нибудь законченного итога, но может принимать более интенсивный характер и темп, когда на него воздействует динамическая сила, способная существенно менять сложившуюся диспозицию расселения этносов, приводить ее в движение — независимо от того, выражается такое воздействие в форме притяжения разностей или, наоборот, в повышенной конфликтности.

Движение, вероятно, вообще следует считать ключевым фактором, посредством которого реализуется механизм географической детерминации исторических процессов. В 1904 г. такое новое понимание географического детерминизма — в унисон с тенденциям русской историографии конца XIX — начала XX в. — предложил английский географ Х. Дж. Маккиндер в своем исследовании географических оснований русской истории.³⁰ Обзорным взглядом географа он именно в динамическом аспекте уловил связь своеобразия развития России с ее природно-географическим базисом, выводя из этого общий принцип такой связи: структурную связанность пространства, которая объединяет его и придает происходящим на нем процессам определенный порядок, создают не статика географических объектов и свойств (горы, реки, степи и т. п.), но те устойчиво повторяющиеся ритмы, формы и направления исторического движения больших людских масс, для которых география предоставляет лишь наиболее благоприятные возможности и вероятные каналы мобильности.

В начальном периоде русской истории это проявляется особенно наглядно. Государствообразующей осью зарождения Киевской Руси, как уже отмечено, был путь «из варяг в греки» — естественная магистраль интенсивного торгового движения. Внешним толчком, приведшим в движение всю систему расселения здешних славянских племен, несомненно, была инфильтрация в их среду варяжского

элемента — и в аспекте военно-политическом, и с точки зрения преимуществ мобильности и широты географического кругозора, которые были необходимы для превращения Днепровско-Волховского пути в международную торговую артерию. Примечательно, однако, что В. О. Ключевский, хотя и признавал завоевательное и династическое значение варяжского элемента в начальной истории Руси, все же отводил ему в ней относительно скромное место, или отрицая за ним ведущую роль в развитии днепровского пути, или «растворяя» его в славянском массиве и отмечая его сгущение лишь в небольшом числе городов, или же указывая на его чисто военно-служебную функцию.³¹ Думается, это не случайно. Создается впечатление, что историк не был склонен к абсолютизации особой «культуртрегерской» роли какого-либо отдельного этнического компонента, но, мысля социологически, делал акцент на общей природно-географической и исторической обстановке, вызвавшей к жизни мощное торговое движение и связанное с ним политическое строительство. Такой взгляд подкрепляется и рядом летописных свидетельств. Так, упоминаемым летописью (под 967, 969, 971 гг.) военным походам князя Святослава на Дунай и его планам создать там центр своих владений (что выдает в нем еще не угасший инстинкт викинга-авантюриста) мы находим более ранний аналог в смутном предании о походе на Дунай с этой же целью Кия — славянского основателя Киева.³² Из описаний походов Олега и Игоря на Царьград (907 и 944 гг.) видно, что это уже не военные экспедиции только варягов, но предприятия, вовлекавшие большие сборные рати («совокупив вои многи»), в составе которых фигурируют не только варяги и представители разных славянских племен, но и финские (чудь, меря) и даже тюркские (печенеги) вкрапления.³³ Все это говорит о том, что повышенная подвижность, связанная с военной активностью, — это не исключительная черта какого-то одного этноса, но, скорее, общее состояние народов, созданное определенной исторической обстановкой и к тому же усиленное ситуацией интенсивного межэтнического контакта. К югу от Киева, в связи с шедшей по течениям Днепра и Дона славянской аграрной колонизацией сформировался в X–XI вв. еще один узел интенсивных межэтнических взаимодействий.

³¹ См.: Ключевский В. О. Указ. соч. С. 51, 140, 144.

³² См.: ПСРЛ. Т. 1. С. 4, 27, 28.

³³ См.: Там же. С. 12, 19.

³⁰ См.: Mackinder H. J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. 1904. Vol. 23, № 4. P. 421–437.

Здесь отдельные группы тюрков-кочевников, теснимые с востока своими более сильными сородичами, попадали под влияние славянской оседлости, что вело в ряде случаев к ассимиляции и образованию ряда переходных в культурном отношении типов (торки, славяно-хазарское население Подонья, черные клобуки, бродники).³⁴

Следующим, еще более масштабным вектором исторической динамики, обозначившим новую интегрирующую ось пространства Русской равнины, стал происходивший в XI–XIV вв. постепенный, но устойчивый отток массы славянского населения из юго-западной Руси, составлявшей «самую благословенную часть областей русских относительно климата и качества почв», на северо-восток — в лесистое междуречье Волги и Оки, где возник новый центр сосредоточения русской государственности,³⁵ откуда переселенческие потоки расходились на север, восток и юго-восток — в преимущественный ареал расселения финских племен. Роль силового толчка, приведшего в движение всю систему расселения, сыграл нараставший в течение веков и перевесивший в конце концов совокупные силы русских князей кочевой натиск, связанный с утверждением в южнорусских степях половецких орд (середина XI в.), а затем — с катастрофой татаро-монгольского нашествия. По своему историческому смыслу процесс являлся колонизацией, но этот особого рода. В отличие от привычного образа колонизации, где неподвижный центр-метрополия с известной регулярностью высылает на новые территории волны переселенцев, отток славянского населения из «Киевской области» был миграционной реакцией на геополитическое «сжатие» и потому вместе с населением на северо-восток перемещался также экономический и политико-культурный «центр тяжести».

Конечно, проникновение славян в ареал расселения финских племен началось намного раньше — по крайней мере с X в., но позднейший наплыв славянского элемента должен был существенно усилить его. В русской историографии сложилась определенная позиция относительно этого процесса, хотя и не лишенная противоречий. С одной стороны, отмечался преимущественно мирный характер славянской колонизации на финский северо-восток, приобретавшей вид не сплошного завоевания,

но просачивания «тонкими струями» и занятия обширных промежутков между финскими селениями, к чему располагала и редкость населения в этих суровых краях.³⁶ С другой — строительство в этих землях укрепленных городов служило явным признаком того, что отношения между финнами-аборигенами и пришельцами не исключали и конфликтов.³⁷ Как бы то ни было, сам состав славянской колонизации, возникавшая на северо-востоке «чересполосная» система расселения финских народов и славянских пришельцев, как и известное сходство занятий, создавали предпосылки для усиления ассимиляционных процессов, что выразилось в быстром исчезновении в главном их узле ряда финских этносов (мурома, мещера, меря), которые, в свою очередь, как отмечал В. О. Ключевский, внесли существенный вклад в этнокультурный облик формировавшейся здесь великорусской народности.³⁸

Существует немало аргументов в пользу того, что взаимодействие славянского и финского элементов носило скорее мирный и конструктивный характер. В. В. Берви-Флеровский, изучая хозяйственный быт народов России, на основе своих наблюдений приходил к выводу, что граница массового продвижения русского земледельца заканчивалась обычно там, где его усилия — в силу суровости природных условий — переставали давать отдачу, оборачиваясь бедностью, но где многоотраслевое промысловое хозяйство лучше приспособленного к этим условиям финского аборигена обеспечивало ему сносное и безбедное существование.³⁹ Эти наблюдения относились к середине XIX в., но, несомненно, актуальны и для более ранних эпох. Если в хозяйственном отношении русский и финн чаще всего могли примирить свои интересы, то массовое участие представителей различных племенных групп зырян в походах московских ратей в Югру (1465, 1483, 1499 гг.)⁴⁰ — это уже ясное свидетельство отношений тесного межэтнического сотрудничества. Таким образом, колонизация северо-востока, усиливая общение народов и вовлекая

³⁶ См.: Ключевский В. О. Указ. соч. С. 298.

³⁷ См.: Любавский М. К. Историческая география... С. 45; Корсаков Д. А. Об историческом значении поступательного движения великорусского племени на восток. Казань, 1889. С. 16.

³⁸ См.: Ключевский В. О. Указ. соч. С. 296.

³⁹ См.: Берви-Флеровский В. В. Положение рабочего класса в России: наблюдения и исследования Н. Флеровского. СПб., 1869. С. 103.

⁴⁰ См.: Вершинин Е. В., Визгалов Г. П. Коми-зыряне и ранняя русская колонизация Северо-Западной Сибири // История народов России в исследованиях и документах. М., 2022. Вып. 9. С. 117–130.

³⁴ См.: Любавский М. К. Историческая география... С. 38, 39, 62, 69.

³⁵ См.: Соловьев С. М. Указ. соч. С. 66.

их в разные формы совместной деятельности, намечала новую — толерантную и конструктивную — модель межэтнического взаимодействия, которая стала в будущем характерной чертой российской цивилизации.

С точки зрения связности пространства, колонизация — «основной факт» русской истории — несла в себе противоречивый потенциал. Если реконструировать по замечаниям и оценкам В. О. Ключевского его позицию, то русская колонизация предстает прежде всего как «народная», а следовательно, аграрная, крестьянская, вызываемая исходно где-то земельной теснотой, где-то неблагоприятными для земледелия погодными условиями и скудостью почв. В центре этого процесса, несомненно, стоит фигура русского крестьянина, которого вся природная обстановка заставляла разрешать извечную для него дилемму — либо добиваться повышения агрикультуры на старых местах, либо осваивать новые земли с их еще не растраченными ресурсами — путем переселения, инстинктивно следуя принципу экономии народного труда. С учетом того что в каждом колонизационном процессе, наряду с производящим, присутствует элемент извлечения природной ренты, некоторые историки среди главных мотивов колонизации выделяли именно присвоение новых высокоценных ресурсов. Для В. Н. Огородникова главный экономический смысл колонизации состоял в непрерывном «расхищении» даровых, требующих наименьшего приложения труда богатств природы (биологических, почвенных, ископаемых и т. п.), которое, как он писал, «составляет основной фон нашей хозяйственной жизни».⁴¹ Если отвлечься от сильных выражений, то такая позиция, несомненно, содержит в себе рациональный смысл. Колонизация в русских условиях — это не только процесс распространения единообразных хозяйственных форм и рассеяния и без того редкого населения, но и фактор увеличения — с минимальными затратами — того разнообразия ценных товарных ресурсов, которое, повышая интенсивность торговых обменов, формировало единство страны.

Не отрицая этого эффекта колонизации и не сводя ее к погоне за ресурсами, В. О. Ключев-

ский смотрел на дифференцирующий аспект этого процесса корректнее и в гораздо более широкой социальной перспективе, делая вывод о том, что колонизация Волжско-Окского междуречья стала прототипом построения всей государственной системы России: не только «разделение народного труда стало приурочиваться к естественным географическим различиям», порождая разные типы хозяйства и обрекая эти различия к стягиванию в один «народнохозяйственный узел», но вместе с этим, соответственно возникающим хозяйственным ролям и выделяющемуся военному слою, прогрессировал процесс социальной дифференциации.⁴² Действительно, из этой лаконичной оценки историка логически вытекают все главные эволюционные линии, определившие цивилизационное своеобразие России. Колонизационное движение с множасьимися в его ходе и приуроченными к условиям отдельных местностей хозяйственными и военными задачами стало для России мощным генератором дробления и усложнения сословной структуры обществ.⁴³

Это, в свою очередь, трансформировало природу русской власти. В фигуре князя, который на краю света заново собирает людей и пересоздает социальный порядок, обнаруживаются зачатки новой — патримониальной — природы власти. В обществе, которое находится в состоянии постоянного движения и покорения новых земель, легко предвидеть выдвижение на главенствующие позиции первопроходческого и служебного элемента и распространение принципов его функционирования на весь социальный строй государства. Чем более фрагментированным на сословные частности становится общество, тем более естественной становится потребность в возвышающейся над ними сильной верховной власти.

Широкий спектр смысловых проекций, вытекающих из рассмотренных нами проблем, убеждает в том, что взаимосвязанные категории пространства и движения находятся в центре понимания цивилизационного своеобразия русской истории, что делает актуальной их дальнейшую методологическую и историографическую разработку.

⁴² См.: Ключевский В. О. Указ. соч. С. 81, 82.

⁴³ См.: Шумкин Г. Н. Особенности сословной структуры фронтальных пространств Российской империи в середине XIX века // Двенадцатые Татищевские чтения: всероссийская научно-практическая конференция. Екатеринбург, 2020. С. 401–408.

⁴¹ Огородников В. И. Очерк истории Сибири до начала XIX стол. Владивосток, 1924. Ч. 2, вып. 1. С. 3.

Konstantin I. Zubkov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

GEO-HISTORICAL BASIS OF THE RUSSIAN CIVILIZATION: SPACE AND DYNAMICS

Based on the analysis and verification of “geo-historical” generalizations of Russian historiography of the late 19th – early 20th centuries, the article analyzes and evaluates the methodological potential of the categories of space and movement as the key ones in explaining the influence of the geography and natural conditions of the Russian Plain on the initial phases of the Russian historical process. It turns out that the conditions of vast and homogeneous space with sparse population had a contradictory effect on the potential for its unification within a single state form, serving, on the one hand, as a prerequisite for integration, and on the other, as a factor of fragmentation. The feeble natural diversification of the economy and the scarcity of social space gave rise — as a way of adapting to them — to the development of special forms of societal organization, power, economy, and culture. The most important factor to contribute to overcoming centrifugal trends and strengthening the coherence of the historical Russian territory on a large scale was the increased mobility of the bulk of population, the centers of economic, political and cultural life. The colonization northeastern shift in the 11th–14th centuries had important historical consequences. Its dynamics, increasing the intensity of inter-ethnic interactions and the overall scope of migrations, multiplied the differentiation of economic life and the social aggregate of society, and thus allowed to maintain continuously effective control over disproportionately large territories by small forces. This early colonization essentially influenced the formation of the main institutional features of the Russian civilization.

Keywords: *Russia, Russian historiography, natural-geographical basis, “geohistory”, space, movement, colonization, civilization*

REFERENCES

- Danilevskiy N. Ya. *Rossia i Evropa: Vzgliad na kul'turnyye i politicheskiye otnosheniia slavianskogo mira k germano-romanskomu* [Russia and Europe: A View on the Cultural and Political Relations of the Slavic World to the Germanic-Romanesque World]. Saint Petersburg: SPbGU; Glagol Publ., 1995. (in Russ.).
- Dulov A. V. *Geograficheskaya sreda i istoriya Rossii. Konets XV — seredina XIX v.* [The Geographical Environment and the History of Russia. Late 15th — Mid-19th Centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1983. (in Russ.).
- Iskhod k Vostoku* [The Eastward Exodus]. Moscow: Dobrosvet Publ., 1997. (in Russ.).
- Liubavskiy M. K. *Obzor istorii russkoi kolonizatsii s drevneishikh vremen i do XX veka* [A Survey of the History of Russian Colonization from Ancient Times to the 20th Century]. Moscow: MGU Publ., 1996. (in Russ.).
- Ogorodnikov V. I. *Ocherk istorii Sibiri do nachala XIX stol.* [An Essay of the History of Siberia before the Beginning of the 19th Century]. Vladivostok: Tip. Gos. Da'nevostochnogo Universiteta Publ., 1924, part 2, iss. 1. (in Russ.).
- Platonov S. F. *Proshloe russkogo Severa: Ocherki po istorii kolonizatsii Pomor'ya* [The Past of the Russian North: Historical Essays on the Colonization of Pomorye]. Petrograd: Vremya Publ., 1923. (in Russ.).
- Savitskiy P. N. *Kontinent Evraziya* [The Continent of Eurasia]. Moscow: Agraf Publ., 1997. (in Russ.).
- Semenov-Tian-Shanskiy V. P. *Raion i strana* [Region and Country]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1928. (in Russ.).
- Shmurlo E. F. *Istoriia Rossii 862–1917* [History of Russia, 862–1917]. Moscow: Agraf Publ., 2001. (in Russ.).
- Shumkin G. N. [Features of the Class Structure of the Frontier of the Russian Empire in the Middle of the XIX Century]. *Dvenadtsatye Tatishchevskie chteniia: vserossiiskaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia* [The 12th Tatishchev Readings: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Ekaterinburg: Kvadrat Publ., 2020, pp. 401–408. (in Russ.).
- Vernadskiy G. V. *Nachertanie russkoi istorii* [An Outline of Russian History]. Saint Petersburg: Lan' Publ., 2000. (in Russ.).
- Vershinin E. V., Vizgalov G. P. [The Komi-Zyrians and Early Russian Colonization of North-West Siberia]. *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh* [History of the Peoples of Russia in Research and Documents]. Moscow: IRI RAN Publ., 2022, iss. 9, pp. 117–130. (in Russ.).

Для цитирования: Зубков К. И. Геоисторический базис российской цивилизации: пространство и динамика // Уральский исторический вестник. 2025. № 4 (89). С. 140–148. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-4(89)-140-148.

For citation: Zubkov K. I. Geo-Historical Basis of the Russian Civilization: Space and Dynamics // Ural Historical Journal, 2025, no. 4 (89), pp. 140–148. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-4(89)-140-148.